

Пой, менестрель!

Автор:

Максим Огнев

Пой, менестрель!

Максим Огнев

Бродячий певец возвращается после семи лет странствий в родные земли. Видит: на родине неладно. Изменились люди. Раньше повсюду песни звучали, теперь – тишина. Раньше в домах дверей не запирали – теперь кругом замки да засовы. Раньше путников, как долгожданных гостей принимали – теперь гонят прочь. А на пороге – новая беда. Умирает король. Один из придворных вероломно захватывает корону. Однако истинным повелителем становится некий Магистр...

Максим Огнев

ПОЙ, МЕНЕСТРЕЛЬ!

Екатерине Ачиловой,

задумавшей эту сказку.

...Именем дороги пройденной,

Это время – мое.

Екатерина Ачилова «Обретение».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ К РОМАНУ

Когда сомкнется лес над головой
И за спиной стеной деревья станут,
Ты – дома. Не бродяга, не изгой.
Ведет тропа, укрытая туманом,
Вдоль озера холодного, под сень
Дубов священных – древних, непреклонных.
Так величав непуганый олень —
Ты выстрелить не сможешь, пораженный.
Рассвет тебя застанет одного,
Забрезжит рыжий луч в высокой кроне.
Здесь птицы не боятся ничего,
Они слетятся на твои ладони.
Так дивная зеленая страна,
Приняв тебя, сольется вдруг с тобою.
Забудешь постепенно вкус вина
И жажду утолишь лесной водою.
И ветер – или лютня, или дождь —

Тебе подарят тысячи мелодий,
А тему для стихов ты сам найдешь:
В сказаньях о неведомом народе
И в предрассветном шелесте листвы,
И в голосе малиновки беспечной,
Она уже в душе, уже в крови,
Она уже в тебе пребудет вечно.
Так контуром намеченный сюжет
И глубину и краски обретает,
В нем тени проявляются и свет,
Характеры и лица узнавая,
Ты ждешь когда появится герой:
Король ли, воин... И в одно мгновенье
Он этот мир, придуманный тобой,
Вдруг оживит – одним прикосновеньем.

* * *

Зазвенела тетива, стрела вонзилась в мишень – круглую деревяшку с алой отметиной в середине. Лучник, однако, был недоволен: стрела угодила не в алую сердцевину, воткнулась на два пальца левее. Он пробормотал что-то неодобрительное, повертел в руках новый лук, переменил тетиву, вынул из колчана другую стрелу и замер, рассчитывая ветер. Второй выстрел оказался удачнее. Стрела не только попала в центр мишени, но пробила деревяшку насквозь. Выпустив еще с десятков стрел и превратив мишень в подобие ежа, лучник, озорничая, сбил несколько шишек с сосны. Он ни разу не промахнулся и решил, наконец, признать лук годным. Аккуратно собрав стрелы и сложив их в висевший у пояса кожаный колчан, Стрелок снял тетиву и внимательно оглядел лук, проверяя, не треснуло ли где дерево, не отошли ли роговые пластины, посаженные на густой осетровый клей. Он знал, как трудно раздобыть хороший

лук. Этот он сделал сам. Не меньше сотни кленовых веток срезал, пока нашел подходящую. Укрепил оленьими сухожилиями, на концы приспособил костяные накладки.

От созерцания лука Стрелка отвлекли близкая переключка рогов, захлебывающийся лай собак, топот коней. В просвете между деревьями мелькнул белоснежный красавец-олень. По пятам за ним неслась рыжая свора. Затем промчалась кавалькада – затрещали ломавшиеся кусты; замелькали яркие одеяния; донеслись азартные выкрики, смех.

Впереди, на великолепном, не уступавшем по белизне загнанному оленю коне, летел светловолосый всадник, одетый в алое. Он на два корпуса опережал остальных, легко справляясь с разгоряченным конем. Вот он вскинул к губам рог и затрубил, и звонко отозвалось эхо.

Удаляясь, людские голоса, перестук копыт, собачий лай слились в один невнятный шум и вскоре затихли. Королевская охота умчалась. Лес замер – даже листья на деревьях не шелестели. Стрелок гневно покачал головой. Он знал, что растревоженный лес будет долго хранить недоброе молчание.

Повесив лук за плечи, направился прочь. Миновал заросли папоротника и вышел на едва заметную тропинку, усыпанную порыжевшими сосновыми иголками. Тропа спускалась в овраг, сосновые корни и камни образовали подобие ступенек, и Стрелок сбегал вниз, к мелкому ручью, струившемуся по песчаному руслу.

На берегу стояла девушка. Темные волосы ее рассыпались по плечам, серебряный обруч сбился набок, подол светлого, расшитого серебряными цветами платья намок и был испачкан землей; туфли она сбросила. Стрелок невольно улыбнулся: не часто увидишь придворную даму – босоногой.

Рядом склонила к воде голову белогривая лошадь.

Девушка присела, окунула руку в воду, зачерпнула, как показалось Стрелку, горсть мелких камешков. Снова выпрямилась и замерла, следя за медленно проплывавшим облаком.

Стрелку вспомнилось, как в детстве, лежа на спине, он смотрел в облака и видел скользящих по небу белых пушистых зайцев или мохнатых медвежат.

Сейчас он не сомневался: девушка играет в ту же игру – таким озорством загорелось ее лицо, мгновение назад серьезное и сосредоточенное. Вдоволь полюбовавшись облаком, она коснулась ветвей плакучей ивы, прижала листья к щеке.

Стрелок подумал, что девушка ничуть не похожа на придворную даму. Ни одна из них не отстала бы от охоты, ни одна не прильнула бы щекой к ветвям ивы, будто обнимая сестру.

Кобыла подняла изящную голову и тихонько заржала.

Девушка выпрямилась. Бросила камешки на песок, обеими руками надвинула на лоб тонкий серебряный обруч, откинула назад темные волосы. В глазах ее, как в ручье, плясали солнечные блики.

– Я хочу остаться одна, – заявила девушка непреклонно. – Со мной ничего не случится!

– Верю, – откликнулся Стрелок. – Лес защитит вас.

Удивленная, она подалась вперед. Лучник стоял в тени, и разглядеть его хорошенько девушка не могла.

– Кто вы? – в голосе ее чувствовалось недоумение. – Королевский ловчий?

Охотник вышел на свет. Девушка взглянула на него – и долго не отводила глаз. Многие из лордов были высоки и изящны, многих отличала горделивая осанка, но... Стройны люди, а ясени стройнее. Величавы люди, а дубы величавее. Умны люди, да мудрее древесные исполины.

Казалось, незнакомец не в людском, суетном племени рожден – молодой тополь обернулся человеком. При взгляде на него почему-то сразу вспоминались прогретые солнцем лесные прогалины, снопы света, бьющие сквозь густую хвою.

Солнечный луч скользнул по его лицу, и девушка увидела, что у незнакомца зеленые глаза. Не темные – в цвет болотных трав, и не яркие – в цвет молодой листвы, а прозрачные, словно пронизанные светом воды лесного озера.

На плечах его лежал плащ – зеленой травы, из-под плаща виднелась куртка, зеленая, как молодые сосновые иглы, за спиной висел лук, у пояса покачивался колчан со стрелами.

Лесной король появился из глубины леса. Деревья приветствовали его покачиванием ветвей, ручей зазвенел громче, а белогривая лошадь весело заржала.

– Кто же вы? – едва слышно повторила девушка.

– Охотник.

Стрелок перепрыгнул через ручей, и тут понял, чем занималась девушка. На откосе, в песке, мелкими белыми камешками был выложен скачущий олень. Больше всего Стрелка поразило, как верно передано движение: тонкие ноги, казалось, едва касались земли. Шея была грациозно выгнута, маленькую голову венчали тяжелые ветвистые рога.

Лучника вдруг охватила внезапная радость от того, что эта сероглазая девушка не пожелала гнать обессилевшего зверя, напротив – воскресила оленя в мозаике.

Девушка стояла рядом, но смотрела не на мозаику, а на Стрелка. В памяти ее ожило предание о Марте-лиственнице. Многие сватались к юной Марте, да получали отказ. Никому не надела красавица венок из полевых цветов. А чтобы женихи не докучали – набросила венок на ветку клена. Звонко смеялись подруги, еще громче хохотали отвергнутые женихи. А на следующий день встретила Марта под кленом своего суженого. Сорок лет прожили вместе. А потом засох клен, и умер муж. Говорили, Марта сгинула без следа – только выросла возле сухого клена высокая лиственница.

Стрелок отступил на шаг, все еще разглядывая мозаику.

– Красиво, – с искренним восхищением проговорил он.

Девушка улыбнулась. Чувствовалось, что незнакомец хвалит не часто и никогда не хвалит зря.

– Замечательно, – продолжал Стрелок. – Не хуже, чем в храме.

– В каком храме?

– Там, в самой глубине леса, – он махнул рукой, – сохранилось древнее святилище...

– Я слышала о нем... – внезапно разволновалась девушка. – Хотела побывать...

– Могу проводить, – вызвался охотник.

Лицо ее словно затопило солнечным светом. Сколько лет она расспрашивала охотников, воинов, а то и просто бродяг. Никто не знал дороги, никто и не слышал, будто в гуще леса скрыто святилище. Но она до сих пор помнила жаркий шепот старшей сестры: «Там на стене – белый олень. Бег его легок, ноги не знают усталости... Обернуться бы и мне оленихой, мчаться по лесам – свободной!»

Девушка порывисто коснулась руки охотника.

– Проводи... – неожиданно для себя она обратилась к нему на «ты», как не обращалась ни к кому и никогда, разве в далеком детстве – к сестре. – Проводи... – она запнулась и спросила: – Святилище далеко?

– Да, – честно ответил Стрелок. – Не успеете до темноты возвратиться в город. Вас будут искать?

Девушка молчала, понимая, какой переполох поднимется в замке.

Стрелок ждал ее слов нетерпеливее, чем прилета птиц весной. Знал: горожане лишь обирают лес – наполняют корзины грибами-ягодами, забавляются, стреляя дичь. Холодно, недружелюбно встречает их лес. Застывают-засыпают деревья, затихают птицы, прячутся звери.

Редко забредают в чащу иные гости: поклониться лесным жителям, впитать вековую мудрость деревьев. Сероглазая девушка недаром любовалась облаками, приласкала иву, выложила в песке оленя – искала в лесу успокоения и отрады. И лес даровал бы ей утешение, подкрепил силы.

Девушка медлила с ответом. Представила вдруг, что ее несчастная сестра обернулась белой оленихой и мчится без устали по лесной чаще. Как найти ее следы?

Лесной король ведает все дорожки, проведет в самое сердце леса. Деревья расступятся перед ним, ели отведут колючие ветви, болотная жижа обернется твердью, тайные тропы лягут под ноги.

– Идем, – взмолилась она и смолкла.

Победный звук рогов возвестил об удачном конце охоты. Загнанного зверя настигли.

Девушка опустилась на колени и завершила мозаику, черными камешками выложив глаза оленя.

...В то время, как Стрелок посадил девушку в седло и взял под уздцы белогривую лошадь, человек, склонившийся над поверженным оленем, бросил на землю окровавленный кинжал и выпрямился. Это был тот самый ловкий наездник, примеченный Стрелком. Лицо его горело азартом погони, глаза блестели. Он возбужденно засмеялся и оглядел придворных, столь же веселых, наперебой поздравлявших его с великолепной добычей. И вдруг изумленно воскликнул:

– Господа, а где же принцесса?

Напрасно придворные озирались – принцессы в их торжествующем кругу не нашлось. Стали вспоминать, опрашивать егерей – никто не мог сказать, когда именно она исчезла.

– Ах, господа, – смеясь, воскликнул охотник, убивший оленя. – Сразу видно – среди нас нет низких льстецов. Иначе мы глаз не сводили бы с королевской

дочери, ища случая угодить.

– Боюсь, лорд Артур, – сказала белокожая красавица, поправляя огненный, в цвет волос, шарф, – угодить Ее Высочеству можно одним способом – пореже показываясь на глаза.

– В таком случае, нас всех надо поздравить, принцессе мы угодили, – Артур выдержал паузу, глаза его смеялись. – Принцессе. Но не королю.

Придворные начали оживленно совещаться, решая, что делать. Впрочем, исчезновение принцессы вызывало больше любопытства, нежели тревоги. Справедливо полагали – королевский гнев изольется на слуг, ловчих и егерей.

Кто-то предложил разделить и отправиться на поиски. Идею приняли с восторгом, и придворные в одно мгновение разбились по парам: кавалер – дама. Разбрелись в разные стороны. Лорд Артур подал руку рыжекосой леди Амелии. Судя по тому, как много внимания они уделяли друг другу и как мало – окружающему, они не торопились отыскать принцессу.

...Давно уже тропинка затерялась в густых папоротниках, но Стрелок не боялся заблудиться. В лесу и мох на стволах, и ветки, что погуще, указывали путь. В солнечный день и вовсе не было забот – солнце провожало. Стрелок без труда держал направление, хоть и приходилось часто сворачивать, огибать то овраги, то непролазные заросли. Сосны перемежались елями, старыми, высокими, с замшелыми стволами. Нижние ветки, приходившиеся на уровень человеческого роста, были лишены хвои.

Внезапно впереди посветлело, деревья расступились, и Стрелок с девушкой оказались на поляне. Посреди ее рос дуб-великан: вытянулся вверх – солнце загородил, простер в сторону могучие ветви – чуть не всю поляну укрыл. По бокам его вставали дубы поменьше.

Стрелок повернулся к девушке.

– Я слышал от своего отца, а тот – от своего, что король Август Славный принял здесь последнюю битву.

– Говорят, – откликнулась девушка, – враги ворвались в замок, король бежал в лес, но предатель крался по его следам и привел убийц.

– Да. Пал в неравном бою король, пали его дружинники. Там, где пролилась их кровь, поднялись из земли дубы.

Стрелок вскинул руку, приветствуя великана, и дуб, дотоле безмолвный, зашелестел листьями в ответ.

– Другого такого дерева во всем королевстве не сыщешь.

– Будь славен, лесной воитель, – промолвила девушка, проведя ладонью по шершавому стволу.

Белогривая лошадь тревожно фыркнула и встала на дыбы. Девушка пыталась успокоить ее ласковыми словами, но лошадь храпела и пятилась. Стрелок положил руку ей на шею, тогда кобыла замерла, дрожа. Девушке показалось, будто две серые тени скользнули между деревьями и скрылись.

– Волки? – спросила она удивленно, но не испуганно – рядом с лесным королем не ведала страха.

– Они не нападут, – охотник взял лошадь под уздцы и повел вперед.

Коротко рассказал, как в морозную зиму, когда умер отец, схватился с матерым волком. Зима стояла страшная – даже в апреле не пахло весной. Волк сам охотился за охотником. Это был сильный, опытный, хитрый зверь. Стрелок умолчал о том, что стрела не сразила волка насмерть, он прыгнул. На плечах и боку остались отметины от клыков. Удар ножом оказался вернее. За шкуру черного волка он выручил немало денег, купил и крупу, и муку, и масло. Мог уже не бояться голодной смерти.

А день спустя он нашел волчье логово. Волчица рычала и скалила зубы, но драться не могла – была ранена. За ее спиной плакали волчата. Стрелок бросил возле логова убитого зайца. Так он и кормил волков до начала лета. Теперь волчата выросли.

– Ручными не стали, но часто бегут рядом, провожая. И на зов приходят.

– Позови их, – попросила девушка.

Охотник погладил лошадь, крепко сжал узду и коротко свистнул. Беззвучно раздалось в стороны высокие папоротники. Два крупных зверя замерли, настороженно принюхиваясь. Лоснился серый мех, золотистые глаза смотрели испытующе и лукаво. Постояв мгновение, волки обернулись и побежали назад, несколько раз качнулись папоротники, и все затихло.

– Они запомнят вас, – сказал охотник, – и никогда не обидят.

Ельник становился все гуще. Высоким частоколом поднимались деревья, оцетинивались иглами. Девушка была очарована мрачным великолепием. Запрокидывала голову, стремясь увидеть усыпанные шишками макушки елей, низко склонялась, рассматривая кочки мха в белых звездочках цветов. «Как в сказке о заповедной поляне, – думала она. – И зимой, и летом светит там солнце, и зимой, и летом зеленеет молодая трава. Окружает поляну ограда из елей. Можно расцарапать лицо в кровь, порвать одежду в лохмотья – и ни с чем возвратиться назад. Лес не пропустит незваных гостей».

Стрелок повернул, и словно по волшебству открылся просвет среди колючих ветвей. Охотник с девушкой вступили на залитую солнцем прогалину.

– Соловьиное царство, – лучник невольно понизил голос.

Девушка вздохнула, представляя, как льются на восходе и на закате соловьиные песни.

Стрелок негромко засвистел. Это был уже не тот резкий, повелительный свист, каким он подзывал волков. Нет, с губ лучника сорвалась долгая, переливчатая трель. Он помедлил, прислушиваясь, и снова засвистел, прищелкнул языком, подражая голосу соловья.

И вдруг откликнулся лесной певец, затем – другой, третий. Качнулись ветки, затрепетали крылья – птицы слетались со всех сторон. Раздавались переливчатые рулады, веселое щебетание, нежный прозрачный посвист, звонкое

пощелкивание. Коленце за коленцем выводили соловьи, летела по лесу чарующая песня. Полнилась звуком капли, журчанием ручьев, плачем осенних дождей. Проступали в ней голоса тающих снегов и лопающихся почек, молодой листвы и цветущих подснежников.

Девушка стояла зачарованная. Глядя на нее, Стрелок вспомнил, как пригласил одну юную горожанку соловьев послушать. Не то что птиц – громовых раскатов не услышал. Трещотка в точности поведала, сколько оборотов на каждом из ее платьев, сколько ложек возьмет, когда перейдет в дом мужа...

Затаив дыхание, внимала сероглазая девушка соловьям. Только подрагивали ресницы, гася солнечные отблески в глазах.

Когда песня затихла, девушка молча поклонилась лесным певцам.

...Мох пышным ковром устилал землю, поваленные деревья, пни. Становилось сыро. Из-под лошадиных копыт выбивались фонтанчики воды.

Яркий свет полдня сменился предвечерней дымкой, когда Стрелок и его спутница оказались на берегу лесного озера, затянутого тиной. Лишь кое-где в просветах виднелась темная, почти черная вода. У ближнего берега по мелководью расхаживали цапли. Узенькая полоска земли соединяла берег с островком в центре озера. На островке стоял маленький круглый храм. Стены его были выложены из серого камня, обломки колонн оплетал вьюнок, на крыше зеленели березки.

Стрелок помог девушке спешиться. Рука об руку они подошли к храму. Двери его были выломаны, солнечные лучи проникали внутрь. Мраморные полы почти скрылись под покровом мха, в трещины между плитами пробивались пучки осоки.

Девушка первой переступила порог, охотник – следом. Сорвалась с места, захлопала крыльями испуганная птица.

– Смотрите, – Стрелок вытянул руку.

Лучи заходящего солнца падали на стену, высвечивая единственную сохранившуюся фреску – остальные осыпались или потускнели. Казалось, олень летел, опережая ветер. Он мчался, едва касаясь земли, и легкими копытами даже не приминал травы. Пятна света и тени играли на белоснежном боку.

– Наверное, это храм королевы Инир, – промолвила девушка. – Предание гласит: она была добра и прекрасна, щедра и справедлива. Долго и разумно правила своим народом. Когда же пришел ей срок покинуть землю, обернулась белой оленихой...

Девушка еще раз внимательно оглядела святилище. Тихо произнесла:

– Здесь... именно здесь королеву Инир просили о помощи...

Прикрыла глаза, удерживая слезы: догадывалась, с какой мольбой приходила ее несчастная сестра в заброшенный храм.

Встревоженный лучник коснулся ее плеча. Девушка глубоко вздохнула, стараясь успокоиться.

– Здесь что-то написано, – она водила рукой по полустертым буквам. – Олень...

– Надежда твоя – твой Белый Олень... – прокатился под сводами храма чей-то голос.

Оборачиваясь, Стрелок сорвал с плеча лук, накинул тетиву на зарубку. Миг – и трехфутовая стрела нацелилась точно в грудь стоявшему на пороге человеку. Девушка полуобернулась к незнакомцу, одновременно жестом останавливая Стрелка. Строго и вопросительно смотрела она на вошедшего в храм. А в его руках в одно мгновение появилось... не оружие, нет – появилась лютня. Ударив по струнам, человек пропел:

Пира ждать или боя? Родные края

Минует ли тень?

Да пребудет с тобою надежда твоя,

Твой Белый Олень.

Солнце скрылось за облаком, и фреска погасла, растворилась в полумраке.

Девушка смотрела на незнакомца радостно и удивленно. Так ребенок, открыв поутру глаза, радуется и удивляется необъятному миру.

А человек был одет в неказистый полинялый плащ, сапоги со стоптанными каблуками, за плечами его висел дорожный мешок. Темные глаза продолжали улыбаться, даже когда улыбка исчезла с губ. Стрелок шагнул вперед и протянул незнакомцу руку. Ладони его коснулась столь же загрубелая и обветренная ладонь, затем незнакомец поклонился девушке – с изяществом придворного и независимостью бродяги. Взглянул ей в лицо и замер. Потом покачал головой, словно отгоняя какую-то мысль. Трудно было угадать его возраст – в первое мгновение Стрелку почудилось, будто певец далеко не юн, однако на лице его почти не было морщин, а в темных волосах лишь изредка блестели серебряные нити.

Девушка ответила на приветствие и спросила певца:

– Ты бывал здесь прежде?

Сердечное «ты» вырвалось у нее так же легко, как и в разговоре со Стрелком.

Певец отозвался не сразу, казалось, больше прислушивался к звуку голоса, чем к словам. Ей пришлось повторить вопрос.

– Да, госпожа, – вежливо ответил он. – Давно. Сейчас снова захотел навестить. Вот и свернул с дороги.

– Куда же ты держишь путь?

– Мы с Певуньей направляемся в город.

– С Певуньей? – переспросил Стрелок, оглядываясь. – Кто же ваша спутница? И где она?

Они вышли из храма в золотисто-алый вечерний свет. Менестрель кинул плащ на поваленную колонну, сел.

- О, моя Певунья - ревнивая возлюбленная и строгая госпожа, - заговорил он. - Она капризна и ненасытна. Не позволяет забыть о себе ни на мгновение. Кажется, принадлежит мне, а на деле - я принадлежу ей. Вечно недовольна мной, а я, не скрою, частенько сержусь на нее. И все же я привязан к ней всем сердцем, и, надеюсь, она не избрала бы другого хозяина.

И Менестрель положил на колени лютню. Стрелок и девушка, улыбаясь, переглянулись.

- Приходи в наш город, - позвала девушка.

Менестрель коснулся струн. Лютня издала слабый звук, будто вздохнула.

- Не миновать мне его, - согласился певец.

- Где ты побывал? - с любопытством расспрашивала девушка. - Какие принес новости из дальних краев?

- Новости? - певец улыбнулся. - Что тебя интересует? В Норрифе дамы украшают прически живыми бабочками, а в Лильтере носят такие высокие головные уборы, что вынуждены приседать, когда проходят в двери.

- Неужели? - засмеялась девушка.

- В Бархазе, - Менестрель обращался уже к Стрелку, - на стрелы насаживают костяные свистульки, и летящие стрелы поют... Столица Бархазы увита розами от подножия крепостных стен до шпиль на башнях замка...

Менестрель рассказывал о поэтических состязаниях, устроенных королем Бархазы, о хранилище рукописей в Миасе - королевстве на островах; об обычае адамельцев окунать новорожденных детей в прорубь; о вооружении конных воинов Сотары; о неприступных твердынях Дойма, о которые год за годом разбивается войско царя Урша.

Казалось, Менестрель обошел всю землю. Когда он на мгновение умолк, девушка спросила:

- А в Каралдоре ты не был?

- Был, - коротко ответил Менестрель.

Девушка ждала, но продолжать он явно не собирался. Вместо этого вновь пристально поглядел на нее.

- Так что же? - мягко промолвила она.

- Что можно сказать о королевстве, где убивают своих королей?

Девушка отвернулась.

- Многие верят... - начала она. - Верят, что люди, воззвавшие к королеве Инир, после смерти превращаются в оленей. Бродят по лесной чаще - неуязвимые для стрел.

- Тогда они приходят сюда, - тихо и уверенно отозвался певец.

Наступила тишина. Затянувшееся молчание прервал Стрелок.

- Надо возвращаться. Не успеем в город до закрытия ворот.

- Для меня отопрут ворота, - встрепенулась девушка.

- А мне и вовсе торопиться некуда, - засмеялся Менестрель. - Переночую здесь, в храме.

- Если ты предпочтешь ложу из мха - постель из звериных шкур, и родниковой воде - глоток доброго вина, я предложу тебе гостеприимство, - улыбнулся Стрелок.

Менестрель с готовностью встал, Стрелок посадил девушку в седло, и все дружно направились к дому охотника. Стрелок вел под уздцы белогривую лошадь, Менестрель оказывался то рядом, то сзади – как позволяла чашоба. Оглянувшись, лучник спросил певца:

– Ты долго странствовал?

– Более семи лет... За это время многое изменилось.

– Что же именно?

– Сильнее всего – люди. Прежде идешь по селению, всюду песни звучат. Все поют: голосистые и безголосые; в одиночку ли, хором; сидя дома, стоя у ворот, выходя во дворы... Нынче так же красивы дома с островерхими крышами – в Лильтере строят иначе – у меня, когда с корабля сходил, сердце замерло, едва красную черепицу увидел... Вокруг нарядные палисадники... И почему-то ни песен, ни смеха... Я разговорился с одним. Он: «Скучно, мол, живем». – «Так чего же не поете?» – спрашиваю. «Надоели старые песни». Говорю: «Сложите новые; если душа поет – слова найдутся». Ведь начинаю петь – слушают. Словно из оцепенения выходят, лица светлеют...

Менестрель умолк и тишину нарушал лишь звук шагов. Под ногами путников шуршала трава да похрустывали ветки.

Золотистая полынья в небе быстро затягивалась. Еще розовела полоса заката, розовые отблески падали на верхушки деревьев. Внизу сгущалась тьма. Но Стрелок шагал уверенно. Не проявляли беспокойства и его спутники, всецело доверившись проводнику.

– Любопытные сказки нынче сказывают, – продолжал Менестрель. – О колдунах да оборотнях...

– Что ж тут удивительного? – не понял Стрелок. – Во всех сказках герой сражается с драконом, или с великаном, или с оборотнем...

Менестрель положил руку ему на плечо, заставляя остановиться.

– Те, кто прежде складывали сказки, хотели сделать людей храбрыми. Показывали – можно, сражаясь с непомерной силой, выйти победителем. Но почему нынче «Сказка о том, как Герой победил оборотня», превратилась просто в «Сказку об оборотне»? Почему речь ведется не о подвигах Героя, а о злодеяниях оборотня? Почему оборотень оказывается умнее и сильнее всех?

– И все же его побеждают? – перебил Стрелок.

– Да. На время... Если прежде в конце сказок оживали люди, обращенные чародеем в камень, то теперь оживают оборотни. Мол, борись, не борись – бесполезно, зло бессмертно. В сердцах намеренно поселяют страх и отчаяние.

– Испугать легко, – заметила девушка.

Менестрель и Стрелок обернулись. В полутьме смутно белело ее лицо, поблескивал серебряный обруч.

– Испугать легко, – повторила она. – Легче, чем рассмешить. Много легче, чем растрогать рассказом о великой любви.

– А как просто править трусами, – подхватил Менестрель. – Знаете, кто первым это почуял? Деревенские колдуны, да, да. Раньше они ютились в покосившихся лачугах и держали про запас два товара: приворотное зелье да средство от бородавок. А нынче? В каждом селении свой колдун, и не один. Из столицы доходят слухи о каком-то Магистре. Торговцев амулетами видишь чаще, чем бродячих актеров. Магами забиты постоянные дворы; ведьмы подскакивают к вам в городских воротах, опережая нищих... И чем берут? Страхом. На вас злые чары – мы поможем. В будущем вас ждет удар – мы предотвратим.

Стрелок засмеялся.

– Кто же к ним идет?

– Тот, кто напуган и несчастлив. Кто не имеет ни веры, ни смирения. Торопятся волшебными силами изменить судьбу... Будто можно изменить судьбу, не меняясь самому.

Некоторое время они шли в молчании. Уже совершенно стемнело. Лунный свет не пронизывал густую хвою, и, выбравшись на поляну, путники долго медлили, прежде чем вновь шагнуть во мрак ельника. Деревья обрели небывалую четкость очертаний, высились черными исполинами. Над ними клубились серебристые облака. В разрывах виднелись далекие бледные звезды.

Тем ярче запылали дрова в очаге, когда путники, вошли, наконец, под гостеприимный кров Стрелка. Охотник быстро развел огонь, подогрел вино, нарезал мясо и хлеб. Он двигался легко и стремительно, выполняя привычную работу, но девушке чудилось – Стрелок творит волшебство.

Недаром так быстро разгорелся огонь, зазмеился по веткам, охватил поленья. Недаром горячим и сладким оказалось вино в кружках; двух глотков хватило – и схлынула усталость, утихла печаль о сестре, унялась тревога от рассказов Менестреля. Недаром холодная зайчатина и грубый хлеб были вкуснее изысканных яств.

Уже сто раз девушка напомнила себе, что пора уходить, но так и не тронулась с места. Не в силах была покинуть этот дом – уютный и спокойный, проститься со Стрелком.

– Открыто живешь, хозяин, – заметил Менестрель, отправляя в рот кусок мяса. – На дверях ни замков, ни затворов...

– Так у меня же красть нечего, – рассмеялся Стрелок.

Девушка невольно улыбнулась, соглашаясь. Обвела взглядом комнату. Стол, две скамьи, кое-какая кухонная утварь – ворами не на что было позариться.

Менестрель вытер нож хлебом.

– Хочешь сказать, люди богато жить стали? Богаче, чем прежде?

– Почему?

– Замки на дверях появились. Я глазам не поверил. Никогда у нас дверей не запирали. Путников как долгожданных гостей принимали. Я тут встретил, – он

неопределенно махнул рукой, – бродячую трупку. – Дождь проливной, грязи по колению, а они составили фургоны кругом, задернули занавески, кутаются в плащи, мокнут, мерзнут... В двух шагах селение. Спрашиваю: «Что же вы в дома не пошли?» А они: «Нас не пустили».

Стрелок недоверчиво пожал плечами.

– Не повезло, не приветливые жители попались...

Менестрель усмехнулся.

– Оставить без крова странника, не поделиться с ним хлебом; выгнать из дома отслужившего свой век пса; повесить на дверь замок больше самой двери – поступки, достойные оборотня.

Менестрель не стал продолжать. Повернулся к девушке.

– Невеселую мы затеяли беседу?

Девушка не ответила. Ей все еще слышалась соловьиная песнь, мерещились золотистые, лукавые глаза волков. И белый олень летел, не касаясь земли, не сминая травы...

Жарко потрескивали поленья, весело уносились вверх искры. Язычки пламени отражались в боках грубых глиняных кружек. Девушка с нежностью погладила угол стола, пробежала пальцами по краю резьбы. Ей хотелось приласкать все вещи в доме. Казалось, это поможет сохранить в памяти каждое мгновение долгого счастливого дня. Девушка понимала: подобные дни не повторяются; так легко и радостно она чувствовала себя только в детстве.

Сейчас ее ничто не могло огорчить или напугать.

Рука ее касалась руки лесного короля – вовек не будет опоры крепче и надежнее.

«В замке тревожатся. Надо возвращаться,» – мысль становилась все неотвязней.

Девушка обратилась к Менестрелю:

- Ты придешь в замок? Принцесса Аннабел, - тут девушка отвернулась, и по голосу стало слышно, что она улыбается, - любит звуки лютни.

- Как тебя зовут, госпожа? Кого отыскивать в замке?

Она склонила голову, длинные волосы закрыли лицо.

- Аннабел.

В голосе вновь слышалась улыбка.

Пораженный Стрелок отставил кружку с вином. Этого он никак не ожидал. Принцесса...

- Так мне не померещилось! - вырвалось у Менестреля.

Аннабел с любопытством взглянула на него, но певец не прибавил больше ни слова.

Девушка встала.

- Мне пора, - вздохнула она.

- Я провожу, - Стрелок поднялся. Повернулся к Менестрелю. - Отдыхай.

...Лучник с девушкой спустились к реке и зашагали вдоль берега. Шли рядом, а сзади, недовольно пофыркивая, брела белогривая лошадь.

Небо посветлело, выцвели звезды. Лес просыпался. Запел дрозд, черной тенью пронесся филин, возвращаясь в дупло. Легкий ветер погнал рябь по реке.

Алая полоса забрезжила на востоке, порозовели облака. Затрепетали деревья, будто стряхивая остатки сна. Предутренний мрак рассеялся, на темном бархате хвои выделялся нежный шелк березовых листьев и сочный атлас - кленовых.

Взошло солнце. По небу плыли облака – пышные и золотистые, словно караван.

Аннабел оглядывалась со щемящим сердцем. Далеко ли до опушки? «Еще далеко, – твердила она. – Надо перейти ручей...»

Опираясь на руку Стрелка, она перепрыгнула с камня на камень, миновала журчащие струи.

«Еще неблизко, – утешала себя Аннабел. – Нужно подняться на горку...»

Шаг за шагом они одолели невысокий откос.

«Еще есть время, – отчаянно надеялась Аннабел. – Впереди березовая роща...»

Она чувствовала, что и охотник считает шаги.

Деревья неуклонно редели. Стрелок с Аннабел вышли на опушку. Принцесса остановилась, будто страшась пересечь незримую черту. Черту, за которой оканчивались владения лесного короля.

Аннабел прислушивалась к прощальному шелесту деревьев. Знала: скоро и Стрелок с ней простится. Возвратится к своим подданным, а она – к своим.

Но он не стал прощаться. Он взял ее за руку и повел к городу, как ведут домой напуганного и уставшего ребенка.

– Лес тебя не обидит – приходи без страха. А не сможешь придти – позови, сам поспешу.

Этих слов она ждала и боялась не услышать. На мгновение Аннабел почудилось: она вновь стоит на зачарованной поляне, а вокруг гремят соловьи.

– Приду, – откликнулась она.

И тотчас обоим стало ясно, что расстанутся они не навсегда. Напротив, эта встреча – всю жизнь продлится.

– Сумеешь отыскать мой дом? – спросил он.

– Сумею.

Теперь им шагалось легко и беспечно. «Скоро увидимся вновь». Не доходя городской стены, Аннабел повернулась к Стрелку, положила руку ему на грудь.

– Не ходи дальше.

Лучник понимал: принцесса не хочет, чтобы об их встрече узнали. Он посадил девушку в седло. Белогривая лошадь неспешной рысью двинулась к воротам. Стрелок провожал Аннабел взглядом. Принцесса окликнула часового, ворота распахнулись и снова захлопнулись, скрыв Аннабел. Лишь тогда охотник повернул назад.

Из караульной навстречу принцессе выбежал высокий широкоплечий человек, в темной одежде, с вышитым на куртке гербом – алыми маками над лезвием меча. Стражники проворно расступились перед ним.

– Зачем вы здесь, Драйм? – удивилась принцесса.

Драйм упал на одно колено.

– Лорд Артур отправил меня к воротам. Мы очень беспокоились, Ваше Высочество.

– Совершенно напрасно, – сдержанно ответила Аннабел, заставляя себя смотреть прямо в глаза Драйму.

Тот, кто впервые встречал этого человека, вздрагивал и спешил отвести взгляд, чтобы не видеть лицо, будто сшитое из разных лоскутков – когда Драйму было десять лет, его чудом спасли из горящего дома.

– Лорд Артур взял на себя смелость не беспокоить Его Величество и умолчал о вашем исчезновении, – сообщил Драйм.

– Весьма разумно со стороны лорда Артура, – ответила повеселевшая принцесса и, подхлестнув лошадь, поскакала к замку.

* * *

В королевстве мир, и добрые рыцари предаются забавам. Пенятся кубки, слуги обносят гостей яствами, музыканты и певцы услаждают их слух. Но без кого не обходится ни одно празднество? Чьи пиры веселее всех? Кто умеет направить застольную беседу так, чтобы каждый гость почувствовал себя в центре внимания? Кого полагают знатоком поэзии? Кто, не слагая стихов, бывает захватывающе красноречив? Кто изящнее всех в танце и проворнее на охоте? У кого самый великолепный конь и самая прелестная дама? Кто с рождения обласкан судьбой?

Лорд Артур – алое одеяние заткано серебром, светлые волосы падают на усыпанный жемчугом воротник, плащ ложится изящными складками, на ногах туфли с квадратными носами – какое смелое решение, каралдорский посол позеленел от зависти. В гербе Артура – маки, алые маки на серебряном поле, и меч, чья рукоять украшена головой грифона. Этот меч существует и в яви, прапрадед нынешнего короля, Август Славный, подарил его одному из предков Артура. Этим мечом рубил Артур врагов в каралдорской сече, и в неполные семнадцать лет был посвящен в рыцари прямо на поле боя. Артуру не исполнилось еще и двадцати, когда король ввел его в состав Совета. Теперь, спустя два года, Артур настолько уверился в королевской милости, что осмелился умолчать о затянувшейся прогулке принцессы – дерзость, на которую не отважился бы даже лорд Гаральд, глава Королевского Совета. Не в обычае Артура было приносить дурные вести. К счастью, принцесса нашлась. Правда, ее страсть к дальним прогулкам не иссякла...

– Сюда, Ваша Светлость.

Драйм разрывался между необходимостью указывать дорогу и привычкой неуклонно следовать позади. Артур тронул коня. Сильное животное легко одолело подъем, и Артур оказался на вершине холма. Здесь травы поднимались так высоко, что задевали стремяна всадников. В зелени травы алели необыкновенно крупные ягоды земляники, в воздухе стоял ни с чем не сравнимый аромат спелых ягод и разогретой солнцем земли.

- Вот там, - Драйм указал плетью. - Видите крышу?

Артур поднес ладонь к глазам, загораживаясь от солнца. Горячий воздух дрожал над деревьями, вплотную подступавшими к подножию холма. Лес тянулся до самого горизонта, постепенно растворяясь в туманной дымке. В темную зелень то и дело вкрапливались оттенки посветлее: ельники да сосняки перемежались березовыми и дубовыми рощами, зарослями вербы, осинниками... Змеилась, сверкая под солнцем, узкая лента реки. К ней отовсюду сбегались ручьи, один из которых, быстрый, бурливый, огибал холм и терялся за деревьями.

- Принцесса ехала вдоль ручья, - рассказывал Драйм. - Я боялся потерять ее из виду, и в то же время не хотел подступать слишком близко. Мне немало труда стоило незамеченным следовать за ней от городских ворот...

- Значит, хозяина дома ты не видел?

- Видел, он вышел ее встретить. Они поговорили, и принцесса повернула обратно...

- Да? И каков из себя этот... лесной житель?

- Не успел рассмотреть.

- Почему?

- Не сумел подойти.

- Почему? - настойчиво допытывался Артур. - Там были собаки?

- Нет, Ваша Светлость. Ему не нужны сторожа - без собак все чует. Я только шагнул ближе, как у него уже стрела на тетиве лежала. А разглядеть меня за деревьями он никак не мог.

- Ну и что? Сорвалась с ветки испуганная птица - считай, чужие...

- Наверное, следовало выйти и заговорить с ним?

- Нет, Драйм, ты поступил правильно. Пусть встреча выглядит случайной.

Тут Артур издал короткий смешок.

- Принцесса, конечно, не ожидает подобной дерзости... А могла бы насторожиться. О ее лесных прогулках уже поговаривают. Окажись на нашем месте лорд Гаральд, нынче же вечером сидела бы она взаперти в Круглой башне, как в давнее время ее сестрица... Маргарет в ту пору было девятнадцать. Аннабел как раз достигла ее возраста.

- Так это правда, будто Маргарет была влюблена в бродячего музыканта? Ходили слухи, в Каралдоре она и зачахла от тоски по нему.

- Ты хоть раз видел человека, умершего от тоски? Нет? Я тоже. А вот умерших от яда видел.

Драйм согласно кивнул. Подобное объяснение казалось ему более убедительным. Повинуясь знаку лорда, он снова двинулся вперед. Артур не отставал, и скоро они спешили в тени берез, окружавших дом. На берегу ручья примостились несколько молоденьких ясеней, пышно разрослись кусты шиповника, боярышника, сирени. Сирень уже отцвела, а возле нежных лепестков шиповника вились крупные шмели.

Артур взбежал на крыльцо, решительно постучал.

- Эй, дома хозяин?... Здесь не заперто, - бросил он через плечо Драйму.

Вошли. Дом дышал чистотой и прохладой. Большой квадратный стол; скамьи вдоль стен, сделанные из какого-то светлого дерева, вероятно, березы, украшенные затейливой резьбой; глиняная посуда на полках, очаг в углу.

- Небогато, - заявил Артур, осмотревшись.

Опустился на скамью, вытянул ноги. Солнечный луч, пробившись сквозь неплотно притворенные ставни, заиграл в кадке с водой. Блики плясали на двери, ведущей во вторую комнату. Драйм вопросительно посмотрел на Артура.

- Не надо. Дождемся хозяина.

Драйм снял со стены два висевших там лука.

- Превосходное оружие. Такой, - он показал Артуру лук, что побольше, - не хуже моего будет. Похоже, один мастер делал, - Драйм положил рядом собственный лук. - Так и есть, вот клеймо. Обри его звали. Я мальчишкой был, когда он последний раз приходил в город. Говорят, умер от какой-то хвори. Замечательные луки мастерил, - Драйм любовно провел пальцем по дереву.

Артур слегка пожал плечами.

- Если человек кормится охотой, без хорошего оружия не обойтись.

- Только ли охотой?

- Думаешь, он из тех бравых молодцев, что освобождают запоздалых путников от кошельков?

- Или из тех, к кому Его Величество обращается в час беды... Когда, например, надо перехватить гонца, посланного...

Артур предостерегающе поднял палец, и Драйм умолк на полуслове.

- Нет, вряд ли, - сказал Артур после паузы. - Такие люди недоверчивы и не забывают, уходя из дому, запирать двери. Впрочем, легко проверить.

Артур поднялся, взял плетеный колчан и высыпал его содержимое на стол.

- Взгляни, это же срезни, - он указал на стрелы с раздвоенными наконечниками. - С ними только на охоту ходить. А такими вот даже зверя не убьешь, разве что оглушишь... Вместо острия - деревянный конус.

- Знаю, - сказал Драйм. - Ими бьют, чтобы не попортить шкуры...

Артур быстро перебирал стрелы.

– Здесь просто не с чем идти на человека... Тем более, на воина в кольчуге. Ни одного трех- или четырехгранного бронебойного наконечника...

Громко заржал конь Артура, привязанный под окном. Артур поднял голову, торопливо собрал в колчан стрелы. Едва Драйм успел пристроить колчан на прежнее место, дверь отворилась и вошел хозяин. Мгновенная тень разочарования скользнула по его лицу – охотник явно надеялся увидеть кого-то другого.

«Потому и дверь не запер, – решил Артур. – Ждал Аннабел. А она сегодня из замка не выберется...» Артур с нескрываемым любопытством разглядывал лучника, стараясь понять, чем тот приворожил принцессу. Вошедший казался одних лет с Артуром и даже походил на него какой-то особенной ловкостью движений, у Артура – врожденной, у Стрелка – приобретенной за годы жизни в лесу. Улыбался открыто и дружелюбно; так улыбаются люди, убежденные, будто мир хорош, и жизнь – чрезвычайно приятная штука. Лицо у него было смуглое и обветренное, волосы – темные. Глаза...

В глазах его было больше силы, чем в глазах воинов, больше гордости, чем в глазах сеньоров, больше ясности, чем в глазах мудрецов. В зеленых глазах отразилось спокойствие лесных озер, веселье ручьев, тепло солнечных лучей.

И еще глаза охотника наполнились нетерпеливым ожиданием: незваные гости могли оказаться посланцами Аннабел. Но такую опасную игру Артур затевать не хотел.

– Простите наше вторжение, – заговорил он, пуская в ход самую приветливую из своих улыбок.

Драйм покосился на Артура. Знатный лорд обращался на «вы» к простому охотнику. Считался с выбором принцессы? Или и сам почувствовал в этом человеке нечто, требующее уважительного обращения?

– Мы возвращались в город, вздумали сократить дорогу и поехали напрямик, уверенные, будто эту часть леса знаем прекрасно. К стыду своему, заблудились.

Артур развел руками и засмеялся, признавая собственный промах. Стрелок чуть улыбнулся, его всегда забавляла беспомощность горожан перед лесом.

- Вам еще повезло - не забрели в топи.

- Я говорил то же самое, - воскликнул Артур, живо оборачиваясь к Драйму.

Драйм пробормотал нечто утвердительное. Артур вновь повернулся к Стрелку.

- Я лорд Артур, - запоздало назвалса он. - А это - сын моей кормилицы, мой названный брат - Драйм.

Стрелка удивило это двойное побратимство, тем более, что Драйм держался не как ровня, а, скорее, как слуга лорда. Что же до Артура... Едва увидев его, Стрелок сразу вспомнил - мокрые от пота оленьи бока, звонкий зов рога, одетый в алое всадник, будто сросшийся с конем... Стрелку претило убийство ради забавы, и взирал он на Артура без особой симпатии. К тому же настораживала улыбка Артура - чересчур любезная.

- Я провожу вас до города, - вызвался Стрелок.

- Вам, конечно, ведомы все тропинки? Кормитесь охотой? - все так же приветливо спрашивал Артур.

Стрелок ограничился сдержанным: «Да».

- Вы, разумеется, прекрасный лучник, - продолжал Артур. - Появитесь на состязании?

Стрелок покачал головой.

- Как? - в один голос воскликнули удивленные Артур и Драйм.

- С таким замечательным луком, - Драйм указал на оружие, отмеченное клеймом мастера. - Да и второй не хуже.

Стрелок ласково коснулся старого лука.

- Этот достался мне от отца. Он был настоящим мастером. А новый я сделал сам.

– Так ваш отец – тот самый Обри? – в голосе Драйма слышалось неприкрытое восхищение. – Мне доводилось держать разные луки, но ни один нельзя было сравнить... И вы не хотите принять участие в состязании?

– Не забывайте о залоге, который вносят участники. Все эти деньги потом получит победитель. Король платит за своих дружинников, знатные лорды – за своих вассалов. У меня такой суммы нет.

– Только в этом дело? – оживился Артур. – А если я внесу залог, выйдете к черте?

К его досаде, лучник не спешил соглашаться и благодарить.

– Предположим, я проиграю?

– Моя потеря будет невелика, – улыбнулся Артур. – А ваше участие сделает зрелище особенно захватывающим. Если же вы победите, выступая под моим гербом, часть славы достанется и мне.

– Хотите увидеть... – Стрелок протянул руку к оружию.

– ...Какого лучника выставляю? – подхватил Артур. – Не откажусь.

Он не желал упускать случая подружиться с этим человеком. Артур привык завоевывать сердца – впрок.

Они вышли из дома.

– Состязания происходят в три приема, – объяснял Артур. – Сначала целят по обычной мишени, которую относят все дальше. Потом стрельба навскидку. И последнее – бьют мечеными стрелами по движущейся мишени... Скорее всего, вашим соперником окажется Гирсель-южанин. Его выставляет лорд Гаральд. Гирсель уже дважды побеждал лучших королевских лучников...

Стрелок спросил, не хочет ли Артур сам выбрать ему мишень. Тот, долго не раздумывая, указал на одну из берез, хороводом окружавших дом. Стрелок поморщился и попросил Драйма привязать к стволу узкую доску – не подобало

стрелять в живое дерево. Беря прицел, понял – Артур не без умысла поставил его против солнца. Лорд хотел знать, на что способен лучник. Одна за другой сорвались с тетивы три стрелы, и Артур не сдержал восхищенного возгласа – стрелы были пущены так точно, что расщепили одна – другую.

– Это убедит кого угодно. Не думаю, чтобы Гирсель сумел повторить подобное.

– Укажите новую мишень.

– Стоит ли даром тратить силы? Уверен, вам любая цель окажется по плечу. Для меня большой честью явится ваше выступление под «алыми маками».

Драйм подметил, каким испытующим взглядом окинул Стрелок Артура, и подумал, что не стоило бы лорду выказывать такую нарочитую любезность.

Артур, прищурившись, тоже наблюдал за лучником. Стрелок повторил:

– Что ж, еще испытание?

– Пожалуй, – неожиданно согласился Артур.

Глаза его озорно блеснули. Артур неспеша направился к березе, служившей Стрелку мишенью.

Лучник и Драйм, переглянувшись, последовали за ним. Оба почувствовали – Артур замыслил что-то особенное. Он жестом велел им оставаться на месте. Отвязал дощечку, повертел в руках. Откинул со лба волосы, улыбнулся. И поднял дощечку на уровень груди. Стрелок опустил лук.

Драйм, поначалу решивший, будто Артур медлит, подыскивая мишень, по движению Стрелка угадал истину. Задохнулся.

– Ваша Светлость!

Артур не обратил на побратима ни малейшего внимания. Крикнул весело:

– Стреляйте!

Видно было, как он улыбается. Драйм обернулся к Стрелку.

– Ты... Если ты...

– Отойди в сторону, Драйм, – приказал Артур. – Не мешай лучнику.

Стрелок молча смотрел на него. Артур держал дощечку на вытянутых руках. Держал прямо перед собой... Узкая желтая дощечка. Светлое пятно на алом фоне. Чуть выше – стрела в горло. Чуть ниже – стрела в живот. На красном кровь незаметна...

– Что же вы? – подзадоривал Артур.

Стрелок медлил. Лорд Артур, вы любите смертельную игру? Риск упоителен, опасность рождает жар в крови? Желаете испытать лучника? Судьбу? Или доказать свое превосходство? Ведь это важно для вас – всегда быть первым. Немалое мужество нужно, чтобы встать под стрелы. Еще большее – чтобы выстрелить.

Безмолвный поединок длился несколько мгновений. Стрелок испытывал смущение, досаду, все сильнее разгоравшийся гнев. Артур хотел, чтобы он бросил лук. Стрелок не желал уступить.

Постепенно, дюйм за дюймом он поднимал оружие, проверяя выдержку Артура. Тот не шевелился. Наконечник стрелы поднялся на уровень его груди. Пальцы Артура крепко держали дощечку, глаза щурились, с губ не сходила улыбка.

Стрелок всем телом ощутил, как напрягся Драйм. Не скрываясь схватился за рукоять кинжала. Красноречивый жест – за промах заплатишь жизнью.

Стрелок спустил тетиву. Запела костяная свистулька, насаженная на черенок. Стрела вонзилась в дощечку. Драйм присел на корточки, несколько раз провел ладонями по лицу. Артур отшвырнул деревяшку. Он так и не перестал улыбаться. Правда, в улыбке этой сквозило уже не торжество, а растерянность.

...Поздним вечером Артур и Драйм спешили во дворе замка. Со Стрелком они распрощались на Ратушной площади. Драйм перехватил у Артура повод.

– Ваша Светлость...

– Что скажешь, Драйм? Как тебе показался этот Стрелок? – и, не дожидаясь ответа, продолжал: – Я ведь не думал, что он выстрелит, можешь поверить? Полагал – духу не хватит... Решительный малый... – Артур умолчал о том, как неуютно почувствовал себя под внимательным взглядом зеленых глаз. – Теперь ясно, чем он понравился принцессе. Надеюсь, – и тут Артур засмеялся, – надеюсь, лорду Гаральду мой новый лучник понравится также.

* * *

Герб Каралдора – черный ворон, раскинувший крылья, парит над башнями крепости. Войско Каралдора – тьма несчитанная; замки его – неприступные твердыни. Рыцари его – доблестны, вассалы – смиренны, богатства – немеряны. Ни в чем не привык встречать отказа каралдорский король. Гордо держат головы его посланцы.

– Как идут, – Артур полуобернулся к лорду Гаральду, на губах его играла язвительная улыбка. – Уверены, будто мы им вручим принцессу и королевство – в придачу.

– Когда король каралдорский просил руки принцессы Маргарет, наш повелитель отвечал согласием.

– Разумеется. Он мирился с соседом и оставлял наследницей престола младшую дочь. Но теперь...

Лорд Гаральд вздохнул.

– Удивительно, до чего быстро последовала смерть Маргарет в Каралдоре.

– На мой взгляд – не удивительно.

Артур посмотрел на принцессу. Она стояла спиной к дверям тронного зала, за которыми скрылись посланцы, и разговаривала с лордом Бертрамом. Обычно Аннабел предпочитала одежды неярких тонов, но для торжественного случая облачилась в густо-синее платье, поверх которого накинула еще одно, пунцовое. По мнению Артура, держалась она безукоризненно: ни одного беспокойного взгляда, ни одного жеста, выдающего волнение, а ведь за закрытыми дверями решалась ее судьба. Десятки любопытных взглядов были устремлены на принцессу, но ей ни разу не изменила выдержка.

Артур приближался к ней, лавируя в толпе придворных. Отдавал поклоны, обменивался улыбками. Аннабел вежливо ответила на его приветствие.

– Властитель Каралдора умен, не правда ли? – тихо промолвил Артур. – Святаясь к единственной наследнице, рассчитывает присоединить к своим владения наше королевство.

– Отказ будет означать войну, – произнесла принцесса ровным голосом.

– А мы каралдорцев бивали и прежде, – улыбаясь, заявил Артур. – Соизвольте, Ваше Высочество, вспомнить битву у Черного Брода.

Артур помолчал и добавил ласково:

– Не тревожьтесь, послы уедут ни с чем.

В устах придворного подобная фраза могла показаться дерзостью. Но тон Артура был исполнен искренней заботы. Принцесса взглянула не сердито, а удивленно и, скорее, благодарно. В детстве они дружили, однако прежней близости не осталось, и Аннабел никак не ожидала встретить сочувствие. Она была растрогана.

– Надеюсь, вы окажетесь правы, милорд.

– Ответ Его Величества решит участь всех нас, – Артур еще понизил голос. – Я тоже не хочу оказаться под пятой каралдорского короля... Принцессе Маргарет не на кого было опереться. Вы, Ваше Высочество, можете рассчитывать на мою помощь.

Наклоном головы принцесса поблагодарила Артура за добрые слова. В это время увитые розами двери тронного зала распахнулись, и показалась четверка послов.

Надменны были их взгляды, суровы лица. Важно прошествовали послы через раздавшуюся толпу, никого и словом не удостоили. От глаз многоопытных придворных, однако, не укрылась краска гнева, заливавшая их щеки. Артур и Аннабел глядели вслед каралдорским посланцам, когда из дверей тронного зала выскочил насмерть перепуганный алебардщик.

– Королевского лекаря!

Принцесса обернулась. Мгновение Артур видел ее расширившиеся глаза, потом она быстро проследовала за лекарем в тронный зал. Двери захлопнулись. Толпа встревоженно загудела. Из уст в уста полетела весть, будто стоявшие у дверей видели короля, распростертого на полу.

Артур не мог пошевелиться. Он, как и все, слышал о болезни короля, однако не догадывался, насколько она серьезна. Знал ли об этом сам король? Успел ли изъяснить свою волю, назначить Великого Лорда?

Принцесса не замужем. Значит, пока она не изберет мужа и не возведет его на трон, будет править сама... Точнее, поручит все дела Великому Лорду, в подчинении у которого окажется Королевский Совет. Кого же король сделает Великим Лордом?

Толпа придворных пришла в движение. Артур поднял голову. На пороге появилась Аннабел – прямая, спокойная. Коротко сказала обступившим ее дамам и кавалерам:

– Его Величеству лучше.

Шагнула вперед. Артур протиснулся к ней. Принцесса оперлась на его руку и позволила проводить себя до башенных покоев. Артуру было искренне жаль ее. Помнил, в каком отчаянии пребывал сам, когда в битве у Черного Брода смертельно ранили отца.

– Аннабел, – он назвал ее по имени, полагая, что сердечность сейчас важнее этикета. – Я не знал, как болен ваш отец. Мне очень жаль.

Принцесса горько взглянула на него.

– Да, Артур, – только и ответила она, – он очень болен.

Будто горячая волна прошла по телу Артура. Надежды не осталось. Король умирает. Кто же станет Великим Лордом?

Он чуть сжал руку Аннабел.

– Рассчитывайте на меня.

Простившись с принцессой низким поклоном, Артур едва не бегом кинулся к своим комнатам. Ему, как и всем лордам Совета, отводились в королевском замке отдельные покои.

– Драйм! – провозгласил он с порога. – Король умирает!

Побратим перекрестился и стал ждать продолжения.

– Наместником стал бы лорд Квентин – если бы не это досадное падение на охоте. Прикованный к постели человек не может быть Великим Лордом.

Драйм молча наблюдал за побратимом, стремительно расхаживавшим по комнате.

– Лорд Гаральд... Возраст, опыт, заслуги... Но... не полководец. Был бы назван Великим Лордом в любое другое время, только не в преддверии войны с Каралдором. Следом – лорд Бертрам. У этого доблести не отнимешь. Всем хорош. Одна беда – слишком явно пытался навязать своего сына в мужья принцессе. Не станет Аннабел терпеть бесконечные домогательства. Возникнет распря, а распря между правителями ведет к гибели королевства. Кто же еще? Кто?

– Вы, – ответил Драйм то, что от него ждали.

– Я.

Артур замер, плечи его дрогнули, словно ощутив тяжесть мантии Великого Лорда.

– Я, – повторил он. – Почему бы и нет? Я расторопнее старика Гаральда и покладистее Бертрама. Аннабел от меня притеснений не будет. Я разобью каралдорцев, вернусь с добычей, заново отстрою столицу... Право же, у меня побольше вкуса и фантазии, чем у всех лордов Королевского Совета, вместе взятых... Как бы узнать, избрал уже король Великого Лорда?

В дверь просунул голову слуга.

– Что там? – сердито крикнул Артур.

– Письмо, Ваша Светлость, – слуга протягивал свернутое в трубку послание.

Драйм взял его, передал Артуру и выпроводил слугу. Артур нетерпеливым движением сломал печать, пробежал письмо глазами.

– Дурные новости? – встревожился Драйм, ибо Артур уж слишком долго молчал.

Лорд повернулся к нему. Такого странного выражения лица у названного брата Драйм никогда не видел.

– Чудеса, – дрогнувшим голосом отвечал Артур. – Тут всего одна фраза: «Магистр приветствует Великого Лорда».

* * *

Человек, вошедший в комнату, был приземист, широкоплеч, коренаст. Длинное иссиня-черное одеяние тяжелыми складками ниспадало с его плеч. Странно было видеть над этим одеянием ученого лицо, подходившее скорее лавочнику – круглое, полное, обрамленное короткими седеющими волосами.

– Приветствую милорда, – возгласил Магистр.

Артур учтиво поклонился. Усадил гостя и сам устроился напротив. Одет Артур был в темно-лиловый бархат, и за спиной его на гобелене, аллегорически изображавшем весну, лиловели кущи сирени.

Магистр задержал взгляд на гобелене, исподлобья посмотрел на Артура и принял из рук Драйма кубок с вином.

– Здоровье хозяина.

Вино было испробовано, и воздана хвала королевским погребам, и, оставив яшмовый кубок, Магистр сказал:

– Милорд, мое появление было внезапным, но я пришел предсказать вам величие. Я обладаю тайным знанием и умею заглядывать в будущее. Нынче ночью в неурочный час пропел петух, а приготовленные для гадания внутренности животных смешались. Это говорит о грядущих переменах в королевском доме.

– Более определенно об этом говорит болезнь короля, – вкрадчиво заметил Артур.

Магистр энергично кивнул.

– Да, но я утверждаю: Великим Лордом будете вы.

Лицо Артура оставалось бесстрастным.

– Откуда вы знаете?

– Я видел вас в Магическом зеркале. С мантией Великого Лорда на плечах.

Драйм тихо хмыкнул. Артур поскущел.

– Благодарю за доброе предсказание, – откликнулся он. – Если других дел у вас ко мне нет...

Магистр поднялся, оперся руками о стол и уставился на Артура маленькими, в красных прожилках глазками. Артур слегка отодвинулся.

– Не отвергайте помощи силы, которой я обладаю, милорд, – Магистр не повышал голоса, но тем явственнее в его словах чувствовалась угроза. – Великими становятся правители, сумевшие поставить эту силу себе на службу. Ремеслу ткача обучиться можно, и все же мало мастеров, способных сделать такой знатный коврик, – он ткнул пальцем в сторону гобелена.

Артур едва не подскочил в кресле от выражения «знатный коврик», а пуще – от жеста.

– Властвовать над людьми труднее, нежели над тканью, вот почему великие короли – исключение. Во все времена несколько посвященных управляли толпами непосвященных. Только тот, кто овладел силами земли, кому ведомо тайное знание, может диктовать миру свою волю.

– По-моему, вы упоминаете о запретном знании.

– Запрет, – в голосе Магистра появились маслянистые нотки продавца, которому покупатель попытался всучить фальшивую монету. – Разве запреты могут остановить вас? Запреты существуют для трусов. Смелые люди слушаются только своих желаний. А трусы и слабаки разводят разговоры о добре и зле. Так-то, мол, поступать дурно. Кто сказал «дурно»? Трусы и слабаки, которые не могут поступить так же. Рады бы, да не смеют.

– И вы уверяете, что владеете силой? – спросил Артур, ни словом не возразив на тираду Магистра.

– Желаете убедиться?

– Да, – Артур переглянулся с Драймом. – Покажите нам какое-нибудь чудо.

Внушительная фигура Магистра продолжала нависать над столом.

– Хотите разговаривать с душами умерших? Хотите знать, отчего умерла принцесса Маргарет? Хотите услышать, что поведал король Редрик на смертном ложе своему сыну?

От слов Магистра веяло жутью, но дело несколько портил его тон, тон ярмарочного зазывалы: «Хотите увидеть женщину с бородой? Только десять монет! Входите, не пожалеете. Кто желает взглянуть на двухголового младенца? Чудо из чудес! Почтеннейшая публика, не жалейте денег!»

– Бог с ним, с королем Редриком, – отмахнулся Артур. Прибавил раздумчиво: – Я бы желал знать, отчего умерла принцесса Маргарет.

Откуда-то из глубин своего широченного одеяния Магистр извлек хрустальный шар и резко опустил на стол. Коротко потребовал:

– Свечу.

Драйм поставил одну свечу перед ним и погасил остальные. Магистр сел, положил руки на стол, ладонями вниз. Подался вперед, сверля взглядом шар. Пухлое лицо его свела гримаса напряжения. Прошло мгновение, другое... Словно порыв ветра задул свечу, и шар начал тускло светиться. От шара свет сообщился рукам Магистра. Какое-то время Артур с Драймом только и видели, что две, ставшие красноватыми ладони, парившие над шаром. Постепенно свечение угасло. Магистр с глубоким вздохом откинулся в кресле. Драйм, ни слова не говоря, плеснул ему вина. Вновь высек огонь.

Короткими толстыми пальцами Магистр потирал виски.

– Нелегкая задача, Ваша Светлость... Обычно я прибегаю к услугам магического зеркала... Однако посылать за ним было бы слишком долго... Я видел Маргарет, – бросил он отрывисто.

Артур сложил руки на груди.

– Да?

– Ее задушили.

Брови Артура поползли вверх – молва твердила о яде.

– Неужели? – процедил он, не скрывая недоверия.

– Да. Задушили. Зеленым шарфом. Я отчетливо видел узор на ткани. Гирлянду из сирени и роз.

Артур так резко отодвинул кубок, что вино выплеснулось на стол. Несколько мгновений они с Магистром пристально смотрели друг другу в глаза. Артур первым отвел взгляд.

– Хорошо, – произнес он после паузы. – Я готов принять вашу службу. Только в чем она будет заключаться?

– Время покажет, – торжественно провозгласил Магистр. – Настанет время, и вы придете ко мне за помощью. Я сделаю для вас то, что не смогут другие.

Магистр поклонился, набросил на голову капюшон и направился к дверям. Драйм вышел его проводить. Едва успел вернуться, как Артур нетерпеливо спросил:

– Что скажешь?

Драйм неопределенно повел плечом, но Артур, не дожидаясь ответа, заговорил сам:

– Откуда он мог узнать о зеленом шарфе?

– О чем?

– О шарфе, которым задушили Маргарет.

– Придумал.

Артур ударил кулаком по столу.

– В том-то и дело, что нет. Я ждал каких-нибудь откровений, вроде: «Вижу, как поднимается бархатная портьера, и чья-то рука, унизанная перстнями, всыпает яд в украшенный сапфирами кубок...» Но он упомянул только одну деталь – зеленый шарф.

– Вы уверены, что шарф существовал на самом деле?

Артур повернулся к нему.

– Я видел, как Аннабел его вышивала. Готовила подарок сестре. Долго не могла решить, какие нитки выбрать для сирени – белые или лиловые. Взяла за образец этот гобелен.

Драйм озадаченно глядел на побратима.

– Маргарет до отъезда этот шарф не надевала ни разу. Пребывала в таком унынии, что не желала наряжаться. В Каралдоре же, как говорят, она появлялась только в черных или темно-синих одеждах. Кто мог увидеть и запомнить рисунок на шарфе?

– Убийца, – ответил Драйм. – Или тот, кто первым увидел труп.

Наступила тишина.

– Верно, – вымолвил наконец Артур. – Но ни тот, ни другой не стали бы болтать. Тем более удивительна осведомленность Магистра. Все твердят: Маргарет была отравлена. А он заявил – задушена, – Артура передернуло. – Ужасная смерть. Бедная Маргарет.

– Что ж, думаете, Магистр и впрямь колдун? – не выдержал Драйм.

Артур покачал головой.

– Я не столь легковверен. Потому меня и интересует его осведомленность... Признаюсь, ему удалось меня удивить. Артур говорил улыбаясь, однако Драйм видел, что побратим встревожен куда серьезнее, нежели хочет показать. Драйм понимал: Артура взволновало не только упоминание о пресловутом шарфе, но и

твердое обещание для него самого мантии Великого Лорда.

- По-моему, Магистр - шарлатан, - буркнул Драйм.

- Не все ли равно, маг или шарлатан, если сумеет быть полезен? Сила в нем, бесспорно, чувствуется.

Драйм упрямо покачал головой.

- Магистр рассчитывает, что это вы будете ему полезны.

Артур засмеялся.

- Пусть рассчитывает.

- Он может быть опасен.

- Я тоже.

- Гнали бы вы его подальше, - упорствовал Драйм. - Не знаешь, чего ждать? Что за человек?

- Лицом и манерами наш маг невыносимо смахивает на лавочника.

* * *

Тяжко болен король. Силы оставляют его. Отнимаются руки и ноги. Меркнет свет в глазах. Но не от слабости стонет король. Слышится ему топот тысяч коней. Всадники в блестящих доспехах, с развевающимися на шлемах перьями скачут без усталости день и ночь, приближаясь к границам его страны. Грозно звенят доспехи, сотрясают землю удары копыт, гремит боевой клич. Реет над войском знамя каралдорского короля.

Как остановить эту силу? Как уберечь королевство и дочь Аннабел? Кому оставить власть, на кого возложить тяжелое бремя? Мечется король в жару, сминает тонкие простыни, не находит ответа.

– Аннабел!

Принцесса подняла голову. Она сидела в кресле, опираясь ногами на низенькую скамеечку. Эту скамеечку почти скрывал шлейф длинного бирюзового одеяния, ставшего в последние дни для принцессы чересчур просторным. Ее пальцы, державшие иглу, казались прозрачными. Принцесса вышивала, выбрав узором вместо обычных гирлянд цветов болотные травы; в просветах между травой алела вода, переступали с кочки на кочку длинноногие цапли.

– Аннабел! Я должен назвать Великого Лорда, пока еще в силах это сделать.

Принцесса отложила вышивку, зябко обхватила руками плечи. Она не могла согреться, хотя на дворе стоял жаркий день, и непрерывно топился очаг в королевской опочивальне. Причудливые тени играли на дубовых панелях, заставляли оживать резные фигуры: львы, поднявшиеся на задние лапы, казалось, готовились ударить, драконы свивали чешуйчатые хвосты. Мерцали, отражая огонь очага, узкие высокие зеркала. Десятки розовых свечей озаряли комнату. Из подвешенной к потолку серебряной курильницы поднимался ароматный дымок.

Благовония привозили из Каралдора, и сейчас, в дни мира, ими были полны все лавки в городе.

– Аннабел, – король приподнялся, облокотился на парчовую подушку. – Нужен человек, способный справиться и с войском, и с лордами Королевского Совета, и с Каралдором. И тебе он должен быть приятен.

Аннабел промолчала, но, видимо, в глазах ее появилось особенное выражение, ибо король молвил:

– Я уговорил Маргарет выйти замуж, несмотря на то, что брак с каралдорцем был противен и сердцу ее, и рассудку. Я настоял. И этим навлек беду на всех нас. Маргарет умерла не своей смертью, и теперь повелитель Каралдора претендует на руку единственной наследницы престола. Я хотел мира с Каралдором, но только содействовал войне. Нелегкое наследство я оставляю тебе, ибо земля, на которой совершилось зло, долго хранит память о том. Зло притягивает зло. Я, как могу, хочу облегчить твою ношу. Кого из лордов Совета

желала бы ты видеть по правую руку от себя?

Аннабел снова взялась за иглу.

– Какой совет подадите мне вы, отец? На ком остановить выбор?

Король заговорил о мудрости лорда Гаральда, о доблести лорда Бертрама, упомянул о несомненных талантах лорда Дана и лорда Мэя, и печально закончил:

– Увы, ни один из них не воплощает в себе всех достоинств.

Аннабел, не отрывая взгляда от шитья, промолвила:

– Вы не назвали еще одного человека.

– Кого же?

– Лорда Артура.

Отец пристально посмотрел на дочь.

– Я полагал, вы давно охладели друг к другу. Оказывается, нет?

Принцесса покачала головой. Она вспомнила, как Артур, которому едва исполнилось одиннадцать лет, вытирал кровь с рассеченной губы. От него пятились сыновья придворных: один прижимал ладонь к заплывшему глазу, другой пытался унять кровь из разбитого носа. Рядом с Артуром стоял Драйм – его страшные ожоги только начали подживать. Артур положил руку на плечо брата.

– Никто и никогда не посмеет обидеть тебя, пока я жив.

...Аннабел откинула назад прядь волос, упавшую на глаза. Артур сдержал слово. Никто не смел задеть Драйма. Нынче Артур обещал заступничество и ей. Она этому рада: сейчас без верных друзей не обойтись.

– В горький час он поддержал меня, – ответила принцесса. – Полагаю, что бы ни случилось, Артур останется надежным другом.

– Он слишком молод.

– Вы не вспоминали о годах Артура, когда вводили его в Королевский Совет.

– Что ж, мне ни разу не довелось пожалеть о милостях, оказанных лорду Артуру. Он показал себя храбрецом на поле боя и разумным советником в мирные дни.

Король замолчал, задумавшись, и за время этого молчания принцесса трижды воткнула иголку себе в палец. Наконец, с глубоким вздохом человека, сделавшего окончательный выбор, король сказал:

– Если ты хочешь видеть Артура Великим Лордом... Быть по сему.

Провел языком по пересохшим губам. Принцесса отложила шитье, поднялась, подала отцу серебряный кубок.

Король отпил глоток, другой. Промолвил негромко:

– Аннабел! Покажи, запомнила ли ты потайную дверь.

Принцесса поставила кубок на низенький столик у кровати, пересекла комнату и, безошибочно выбрав резного львы, нажала. Часть стены пришла в движение, открылся черный проем. Потянуло холодом, пламя свечей затрепетало.

– Хорошо, – проговорил король. – Чтобы запереть дверь...

– Нужно повернуть вот эту лилию, – указала Аннабел, – тогда снаружи нельзя будет открыть.

– Отыскать вход в лесу сумеешь?

– Да.

– Если каралдорцы возьмут город в осаду, этот ход спасет тебе жизнь, как спас Маргарите Решительной, убежавшей от своего сына... Или королю Редрику... Запертый в собственных покоях, он бежал подземным ходом, лесом пробрался в Тург, поднял дружину и в один час справился с мятежниками. Также и Хромой Иаков...

Аннабел невольно улыбнулась. Хромой Иаков был воплощенным неудачником. Бежать из замка он сумел, но в полумиле от города намертво увяз в грязи.

– Аннабел! Ты не должна доверять тайну подземного хода никому: ни Великому Лорду, ни Главе Совета. Лишь своему супругу – королю.

* * *

– Кланяйтесь ниже, лорд Гаральд, – насмешливо зашептал лорд Бертрам. – Возможно, нынче мы приветствуем будущего государя.

– Не торопитесь, милорд. До сих пор принцесса Аннабел не почтила лорда Артура вниманием. Надеюсь, проявит стойкость и впредь.

– До сих пор ее не пугала тень каралдорца. Кланяйтесь, милорд, кланяйтесь...

Королевский герб – черный лев на белом поле, сжимающий в лапах обнаженный меч. Отныне рядом с ним всегда будут появляться пылающие маки дома Артура. Маки и меч «Грифон».

Ярко горели факелы, воткнутые в железные кольца. На обнаженном клинке играли отблески пламени. Рука Артура, сжимавшая меч, заметно дрожала. Однако голос звучал твердо, гулко отдавались под каменными сводами слова клятвы.

– ...И служить моей госпоже, как надлежит рыцарю, не щадя жизни своей, и превыше нее почитать только Бога...

На возвышении стоял трон короля, на ступень ниже – кресло принцессы. Недвижно сидели властители, строго и сосредоточенно внимали клятве Артура.

Тускло багровели настенные росписи. Когда-то зал отводился для пиршеств, потому и украшали его сцены охоты да пиров: собаки несли в зубах подстреленных птиц, столы ломились от яств, тугими струями лилось в кубки вино, лица гостей лучились весельем и жизнелюбием.

Тем мрачнее казались лица лордов Королевского Совета – каждый из них рассчитывал удостоиться королевского выбора. Лорды стояли полукругом за спиной коленопреклоненного Артура.

– И не освободит меня от этой клятвы никто до самой смерти...

Изо всех сил старался Артур сдерживаться, не выказывать чрезмерной радости, и все же лицо его светилось.

– Принимаю вашу клятву и надеюсь на вашу службу, – отвечала принцесса.

Король устало склонил голову, едва выдерживая тяжесть венца. Его срок настал, дела земные завершались.

Артур поднялся, вложил меч в ножны. И тогда лорд Гаральд, Глава Королевского Совета, набросил на его плечи пурпурную мантию Великого Лорда. Лицо Артура вспыхнуло, заиграла на губах торжествующая улыбка.

* * *

Ранним утром из ворот замка выходила праздничная процессия. Впереди выступал отряд латников в сверкающих доспехах. Знаменосец нес штандарт с черным львом. За латниками следовали пажы с тем же гербом, вышитым на одежде. Они несли корзины роз и полными горстями бросали цветы под копыта белогривой лошади, на которой ехала принцесса. Белоснежные шелка ее одеяний были пропитаны духами, в темных волосах поблескивал узкий серебряный обруч. Принцесса склоняла голову и милостиво улыбалась горожанам, стоявшим плотными рядами вдоль дороги. Звучали приветственные крики, взлетали в воздух разноцветные шляпы.

Отставая от принцессы строго на полкорпуса, ехал лорд Артур – алый всадник на белом тонконогом коне, в гриву которого были вплетены серебряные нити.

Лицо Артура озаряла лучезарная улыбка. Взгляды всех женщин, вышедших полюбоваться процессией, обращались к нему.

Принцессу и Великого Лорда сопровождали лорды Королевского Совета; затем – придворные дамы и кавалеры, нарядные, смеющиеся; второй отряд латников; толпа замковой прислуги, получившей разрешение посмотреть на праздник.

Замок возвышался над городом, и поначалу всадники могли видеть лишь черепичные крыши, утопавшие в зелени. В синеве неба парили флюгера, и когда они под порывом ветра разом поворачивались, над городом плыл протяжный, скрипучий звук, создавая вместе с колокольным звоном ни с чем не сравнимую мелодию. Крутые мощеные улочки вились меж разноцветных домов; яркие фасады в честь празднества украсились флагами, ставни были распахнуты, и в окнах мелькали любопытные физиономии горожан, желавших поглазеть на праздничное шествие.

Процессия въехала на Ратушную площадь, где к ней присоединились почтенные господа из городского Совета; задержалась у собора – к алтарю в такой день обычно возлагали богатые дары – и направилась к городским воротам.

Поле, отведенное для состязаний, уже с восхода пестрело праздничными одеяниями горожан. Для принцессы и ее свиты отводились места на увитом цветами помосте; зрители попроще устраивались прямо на траве.

Леди Амелия, улучив минуту, присела перед Великим Лордом в глубоком реверансе.

– Милорд усердно служит своей госпоже. Можно подумать, им движет не долг, а чувство.

– Сегодня вечером постараюсь убедить вас в обратном, – с готовностью откликнулся Артур. – Жаль, что уже не могу принять участие в поединках. Каждый удар «Грифона» я посвятил бы вам...

Он поднялся на помост и занял место по левую руку от принцессы. По правую – расположился осанистый белобородый старик в темно-синем, расшитом золотом одеянии.

– Лорд Гаральд, – обратился к вельможе Артур, – думаю, состязания лучников нас порадуют.

Лорд Гаральд величественно пожал плечами.

– Как говорится, юность надеется... Я не ожидаю ничего нового. Не трудно угадать победителя, если знаешь, что в состязании участвует Гирсель.

– Спору нет, ваш лучник хорош, но чтобы выиграть, ему придется превзойти самого себя.

– Вот как? – усмехнулся лорд Гаральд. – Кого же вы прочтете ему в соперники? Уж не королевского ли Томелла, которого мой лучник побивал дважды? Или, возможно, доблестный лорд Бертрам опять возьмется за лук и не станет ссылаться на негодную тетиву, как в прошлый раз?

– О намерениях лорда Бертрама мне ничего не известно, – откликнулся Артур, бросая взгляд на скамью, где сидел упомянутый лорд, пунцовый от гнева – он прекрасно все слышал. – Я сам выставлю лучника, против которого Гирсель-южанин окажется слабоват.

– Как, лорд Артур, – вмешалась в беседу принцесса, – вы изменяете своим пристрастиям? До сих пор ваше сердце принадлежало мечникам.

– Я был сражен искусством этого лучника, – признался Артур.

Лорд Гаральд презрительно рассмеялся.

– Чтобы победить Гирселя, ваш лучник должен творить чудеса.

– Предлагаю любой залог, какой вам угодно будет принять.

– Хорошо, – разгорячился лорд Гаральд. – Ваш конь – против моего.

– Согласен.

– Милорд, – обратилась к Артуру принцесса, заинтересованная разговором. – Я знаю, как вы дорожите своим Турмом. Неужели настолько уверены...

– В своем лучнике? Да, – Артур лукаво улыбнулся. – Надеюсь, он понравится и вам.

Аннабел говорила с Артуром, но смотрела не на него, а на поле, куда выезжали закованные в броню противники.

– Где же вы его отыскиали?

– Совсем близко. В лесу.

Принцесса внимательно посмотрела на Артура. Но теперь он улыбался самым невинным образом, и Аннабел вновь обратила взгляд к ристалищу. Артур подал знак герольдам, запели трубы, и двое рыцарей на великолепных боевых конях понеслись навстречу друг другу.

...Сшибались всадники, ломались копья, разбивались на куски щиты, падали на землю поверженные противники, летел над толпой приветственный рев, и следующая пара выезжала на взрытое копытами поле.

Девять пар сошлись в поединке, девять раз герольды выкрикивали имена победителей, девять рыцарей выслушали похвальные речи принцессы, девятерых раненых унесли с поля боя.

Артур искоса наблюдал за принцессой. Она не забывала рукоплескать и одаривать улыбками победителей, но было видно, что турнир ей безразличен, ничья победа не радует, ничье поражение не огорчает. Конечно, могла ли она искренне наслаждаться зрелищем, помня о болезни отца? И все же к переживаниям за отца примешивалось волнение иного рода. Артур подметил несколько взглядов, брошенных Аннабел в ту сторону, где дожидались своей очереди лучники.

Добрую сотню лучников окружала толпа зевак. Здесь пытались угадать победителя, заключали пари, вспоминали прошлогодние состязания: как удачен был выстрел такого-то, или как всех удивил такой-то – известный своей

меткостью стрелок – промазавший с пятидесяти ярдов по мишени, размером с воинский щит. И, конечно, повсюду звучало имя Гирселя-южанина.

Сами лучники делали вид, будто не слышат обидных или, напротив, лестных замечаний, но ловили каждое слово. Невольно поворачивались в сторону худощавого темнолицего паренька, одетого в синее с белым – цвета дома Гаральда, сохранявшего на лице выражение полнейшего безразличия. В руках он держал дальнобойный лук со спущенной тетивой, из колчана выглядывали стрелы, приметные: древки выкрашены в белый цвет, перья – в синий.

Драйм, проталкивавшийся сквозь толпу в поисках Стрелка, награбил сине-белого лучника оценивающим взглядом, ответа на который не последовало. Паренек оставался по-прежнему бесстрастен.

В толпе лучников Драйм Стрелка не нашел и отправился к раскинутым в отдалении шатрам, предназначенным для отдыха принцессы и ее свиты. Над одним из них реял стяг с алыми маками. Подле шатра дожидался Стрелок. Он был не один. Рядом стоял высокий темноволосый человек в выдавшем виды дорожном плаще. Завидев Драйма, Стрелок приветственно взмахнул рукой, его спутник обернулся и поклонился.

– Лорд Артур просил встретить вас, известить, что залог внесен, и предложить помощь, какая только в моих силах, – обратился Драйм к Стрелку.

– Благодарю, – откликнулся тот, – но лук и стрелы при мне, а больше ничего и не требуется.

– Смотрю, вы отдали предпочтение оружию мастера Обри? Если хотите оценить на снаряжение остальных, можем подойти поближе...

– Увижу во время состязания.

– Гирсель-южанин уже здесь, а погода, как на грех, портится.

Все трое подняли глаза к небу, исполосованному белыми перьями облаков.

– Ветер крепчает.

Драйм хмуро взглянул на Стрелка.

- Нелегко вам придется.

- Плох лучник, которому ветер помехой, - беспечно отозвался тот.

Приятель Стрелка хлопнул его по плечу.

- Выдюжишь. Встретимся в «Золотом олене».

Он с небрежным изяществом поклонился Драйму и зашагал прочь - легкой походкой человека, прошедшего жизнь в дороге.

- Кто это? - спросил Драйм, глядя уходящему в спину.

- Бродячий певец.

Драйм очень удивился.

- В замке я на придворных певцов насмотрелся, он на них ничуть не похож. Решил по повадке - он воин.

Драйм разочарованно покачал головой. «Жонглировать словами, что за занятие для мужчины?» Обратился к Стрелку:

- Если желаете отдохнуть, шатер Его Светлости к вашим услугам.

- Мне бы хотелось подойти к помосту.

- Сейчас туда не протиснуться, - возразил Драйм.

Увитый цветами помост окружало людское море. С того места, где стояли Драйм со Стрелком, можно было рассмотреть фигуры сидевших людей, но не лица. Толпа дружно взревела. Драйм увидел, как Артур вскочил в увлечении, но что происходило на ристалище, разглядеть не мог.

– Вас еще подведут к помосту, – успокоил Стрелка Драйм. – Как победителя.

– Уже известно, что я победитель? – заинтересовался Стрелок. – К чему же тогда состязания?

– Лорд Артур сулит вам победу, а у него верный глаз, – с глубоким убеждением заявил Драйм.

Они вошли в шатер, и Драйм подал Стрелку куртку с вышитым на ней гербом Артура и плащ, украшенный серебряным шитьем.

– Лорд Артур просит принять этот подарок в знак его расположения.

Стрелок взял плащ и поблагодарил, облачился в куртку с «алыми маками» и в сопровождении Драйма отправился на тот край поля, где собрались лучники.

Драйм исподволь наблюдал за ним. Стрелок не был похож на прочих. Драйм затруднился бы сказать, в чем отличие. В особой неспешности, выверенности и в то же время широте движений... Лучник словно принес с собою дыхание леса, его первозданную чистоту и мощь. Здесь, в толпе, он невольно приковывал взгляд. Держался просто, но с таким достоинством, что любители затевать ссоры, каких немало в любой толпе, крепко бы поразмыслили, прежде чем решились его задеть.

Запели трубы, сзывая участников состязания. На помосте еще царило оживление – обсуждали предыдущие поединки. Артур, взволнованный так, будто сам вернулся из боя, восклицал:

– Это был мастерский удар. Будь в руках Гильома настоящий меч...

– Что ж, посмотрим, кому из лучников достанется победа, – проговорил лорд Гаральд.

Артур скосил глаза на принцессу. Загородившись рукой от солнца, вытянув шею, Ее Высочество разглядывала участников состязания, первый из которых уже шагнул к черте.

Мишень отстояла на пятьдесят ярдов, и в безветренную погоду на первом этапе состязаний отсеялись бы лишь самые невезучие. Но ветер все усиливался, налетал резкими порывами. Из сотни лучников, выстреливших по первому разу, больше половины отправились восвояси под свист и насмешки зрителей.

Мишень отодвинули, лучники сделали по второму выстрелу, и опять число соперников сократилось вдвое. Мишень на расстоянии двухсот ярдов поразили двенадцать стрел, трехсот ярдов – семь. Когда мишень отнесли последний раз, – теперь она стояла на расстоянии трехсот пятидесяти ярдов, – на лицах, по крайней мере, четверых лучников из удачливой семерки отразилось глубокое уныние. Однако без боя не желал сдаваться никто.

Стрелок смотрел, как они целятся. Первым вышел к черте королевский дружинник. Стрелок предположил, что он промахнется – слишком высоко брал прицел. Так и вышло. Второй метил верно, да стрела оказалась легка и неустойчива на ветру. Третьего подвел лук: в момент выстрела лопнула тетива, стрела упала в нескольких шагах, но повторить попытку не разрешалось.

Четвертым оказался тот худенький юноша, на которого Драйм указал Стрелку как на главного противника – Гирсель-южанин. Небольшой лук он держал прямо перед собой и натягивал тетиву к груди, а не к плечу. Лишь мгновение промедлил Гирсель у черты, и стрела вонзилась точно в центр мишени. Гирсель отошел, не слушая приветственных возгласов, держась подчеркнуто равнодушно.

Пятый и шестой лучники – братья-близнецы – целились долго, в мишень попали оба, но по их лицам можно было заключить, что свою удачу они приписывают лишь исключительной милости небес.

Стрелок выбрал из колчана стрелу с посаженными наискось перьями – как раз для ветреной погоды, поднял несравненное изделие мастера Обри. Помедлил, примериваясь к порывам ветра, и выстрелил – прекрасно. Отходя, поймал брошенный исподлобья взгляд Гирселя, внимательный и недобрый.

Артур повернулся к лорду Гаральду.

– Что скажете?

– Рано еще что-либо говорить, – отрезал тот.

– По крайней мере, признайте, я обещал захватывающее зрелище и сдержал слово. Не так ли, Ваше Высочество?

– Бесспорно, – промолвила Аннабел. – Тот, кто получит награду, завоеует ее в нелегкой борьбе.

Гирсель-южанин выстрелил навскидку столь же метко, как и прежде. Толпа ликовала, казалось, он может взять мишень и с завязанными глазами. Гирсель не удержался и бросил на Стрелка торжествующий взгляд. Поочередно зазвенели тетивы луков обоих братьев, и близнецы покинули поле, чтобы присоединиться к зрителям. Оба промахнулись.

Стрелка охватил азарт борьбы. Он помнил о наблюдавшей за ним с помоста Аннабел, но и не будь Аннабел, стремился бы к победе ради победы. Неужели опытный охотник уступит мальчишке?

Резко развернувшись к мишени, выстрелил. Досада исказила лицо Гирселя – его противник попал в цель.

Оставалось последнее испытание. Артур, напряженно следивший за своим лучником, поднялся. Едва удержался от улыбки, увидев, как рядом встала принцесса. За ней – лорд Гаральд. Один за другим поднимались взволнованные кавалеры и дамы. Зрители притихли, не было слышно обычных шуточек, какими подбадривали бойцов; никто, из почитавших себя знатоками, не пытался давать советы.

Высоко в воздух взлетел глиняный ком, оплетенный ивовыми прутьями. И рухнул вниз – меж прутьев застряли две стрелы. Зрители не просто рукоплескали – заходились от восторга. Ветер срывал шляпы и швырял песок в глаза. Глиняный ком подбросили вторично, и снова обе стрелы встретились в одной точке. На этот раз в криках зрителей слышалось скорее недоумение, чем восторг: как определить победителя?

– Поделим награду? – спросила принцесса, оборачиваясь к Артуру.

Но тот во что бы то ни стало желал победы своего лучника.

- Пусть бьют по третьему разу. Если опять попадут оба - поделим.

Решение сообщили соперникам. Оба уже устали, а с каждым новым испытанием напряжение возрастало, теперь дело решало не только мастерство, но и хладнокровие, выдержка. Стрелок понимал - Гирселю придется труднее. Все ждали, что победитель двух предыдущих состязаний одолеет никому не известного новичка. Южанин так боялся неудачи, что руки перестали повиноваться. Третья стрела прошла мимо. На трибунах еще не разобрались, кто из двоих одержал победу, но Стрелок уже видел, что попал, а Гирсель - нет. Юнец тоже понял это. Опустил лук. Южанин был молод и не умел проигрывать. Стрелку стало не по себе, когда увидел, как побелел мальчишка. Словно лишился чего-то большего, нежели звания победителя и денежного приза.

- Послушай, - обратился к нему Стрелок. - Ты достойно показал себя. Исход решила случайность... Мне просто повезло.

Южанин бросил на него взгляд, исполненный такой ненависти, что Стрелок осекся. Гирсель ударом о колено сломал лук, швырнул обломки на землю, развернулся и пошел прочь. Толпа расступилась перед ним. Стрелок пожалел, что отнял у мальчишки победу.

Но долго раздумывать об этом ему не дали. Уже герольды выкрикивали его имя, уже Драйм, оказавшийся в нужную минуту рядом, обхватил за плечи и повел прочь из круга любопытных, сообщив, что лорд Артур очень доволен.

Вот уже стоял Стрелок перед помостом. Труба запела еще раз, призывая к тишине. Над полем полетел звонкий голос Аннабел.

- Приветствую победителя! Пусть сегодняшняя удача пребудет с вами всегда. Король желает видеть на своей службе таких удальцов. Этот браслет, - принцесса взяла из рук пажа массивное золотое украшение, - послужит не только наградой, но и пропуском в замок, если пожелаете прийти...

И принцесса сошла с помоста, чтобы лично надеть браслет победителю. Пока придворные шепотом обсуждали неслыханную милость, оказанную принцессой простому лучнику, Артур успел подметить, что Аннабел обменялась со Стрелком

несколькими фразами, не положенными по этикету. Вероятно, охотник услышал нечто приятное, ибо покинул поле, сияя.

...Турнир окончился, принцесса удалилась в свой шатер, зрители начали расходиться.

– Лорду Гаральду самое время посылать за другим конем, если не хочет возвращаться в замок пешком! – заявил Артур, откидывая полог своего шатра.

Внутри уже дожидались Драйм и Стрелок, и три наполненных кубка.

– Пьем за победителя! – воскликнул Артур, осушая кубок. – Я же вам предсказывал успех! Теперь ваше имя прогремит по всему королевству. Хотел бы я слышать, что скажет лорд Гаральд своему хваленому лучнику.

При этих словах Стрелок нахмурился.

– Победитель состязаний может рассчитывать на почетную должность начальника замковой стражи. Но я предлагаю вам иное, – радостно и возбужденно говорил Артур. – Ожидается война с Каралдором. Возглавить войско предстоит мне. И я не вижу лучшего командира лучников, нежели вы.

– Война с Каралдором? – мрачно переспросил Стрелок.

– Да. Это неизбежно. Подумайте над моим предложением. Я не тороплю вас, – откликнулся Артур. – А сейчас надо отпраздновать вашу победу. До вечера я Ее Высочеству не понадоблюсь. Драйм сказал, вы должны встретиться со своим приятелем. Где же?

– В таверне «Золотой олень».

– Прекрасно. Отправимся туда вместе. Драйм, подай-ка мне темный плащ.

В эту минуту в шатер заглянул слуга, одетый в синее с белым.

– Мой господин лорд Гаральд вручает вам, милорд, проигранный залог.

- Пойдемте, взглянем, - пригласил Артур.

У входа в шатер другой слуга держал под уздцы коня в богатой сбруе.

- Передайте своему господину, - заявил Артур, принимая из рук слуги повод, - пусть в следующий раз держит пари осмотрительнее.

И тут же подарил скакуна Стрелку.

* * *

Таверна, где Стрелок условился встретиться с Менестрелем, была до отказа заполнена народом. Артур, Драйм и Стрелок едва протиснулись внутрь - в дверях столпились любопытные, привлеченные доносившимися из таверны звуками лютни. Всеобщее внимание приковывал Менестрель. Он стоял на скамье в центре зала и отвешивал низкие поклоны публике. Судя по громким выкрикам и требовательному топоту ног его выступление пришлось по душе слушателям, и они жаждали продолжения. Увидев Стрелка, Артура и Драйма, Менестрель указал на них хозяину, и тот отыскал (правда, с величайшим трудом) места в углу у очага.

Артур поморщился. В очаге на вертеле жарилась баранья туша, во все стороны с шипением разлетались брызги жира. Запах бараньего жира мешался с застоявшимся кислым запахом плохо пропеченного хлеба. Хозяин поставил перед гостями полные кружки вина, и Менестрель, раскрасневшийся - каждый слушатель почитал за честь угостить певца - зычно провозгласил:

- Хвала победителю состязаний!

Внимание посетителей сосредоточилось на Стрелке. Пришлось тому подниматься и раскланиваться, а с ближайшими соседями так и пить вкруговую. Спутников Стрелка тоже разглядывали пристально, и Артур, недовольный, плотнее запахнулся в плащ, стремясь скрыть великолепие одежды. Не хватало только быть узанным.

Впрочем, любопытные взгляды тревожили недолго. Здесь, в таверне, героем был Менестрель. Горожане нетерпеливо просили его исполнить ту или иную

полюбившуюся песенку.

- Что-нибудь новенькое! - громко крикнул кто-то.

Пальцы Менестреля прошлись по струнам лютни, будто лаская. Он засмеялся и запел:

И в голове - безветрие,

Дорога напрямиком.

Ловя лучи рассветные,

Шагаю босиком.

Без кучера, без вестника,

Без мысли, без коня.

А что до новой песенки -

Надейтесь на меня.

Без плахи нету площади,

Без дерева - листвы,

Нет без уздечки лошади,

Без шляпы - головы.

То вверх, то вниз по лесенке,

То – маска, то – броня,

А что до новой песенки -

Надейтесь на меня.

Без города и дома я

Болтаюсь сам собой,

Мерещится знакомая

Петля над головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/ognev_maksim/poy-menestrel

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)